

УДК 340.141

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(2).354-364

ОБЫЧНО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ПЕРМСКИХ НАРОДОВ

О.А. Плоцкая*Коми республиканская академия государственной службы и управления, г. Сыктывкар, Российская Федерация***Информация о статье**

Дата поступления

16 марта 2016 г.

Дата принятия в печать

8 апреля 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 апреля 2019 г.

Ключевые слова

Обычное право; коми; удмурты;
зыряне; пермяки; вотяки;
преступность; правовое воспитание;
правовая культура; этноправо;
мифологические воззрения; правовой
обычай

Финансирование

Проект РГНФ и Республики Коми
№ 14-13-11001 «Этно-правовой мир
коми (зырян)»

Аннотация. Целью настоящего исследования явилось изучение обычно-правового опыта пермских народов в сфере предупреждения преступности. Для достижения поставленной цели автор рассмотрел особенности конструирования модели предупреждения преступности в этническом обществе и способы осуществления у пермских народов правового воспитания, ориентированного на профилактику преступности. Предметом исследования стали обычно-правовые нормы и институты, а также традиционные воззрения, распространенные у пермских народов, широко применявшиеся в обычно-правовой практике восточных финно-угров. При осуществлении исследования были использованы различные научные подходы. Так, применение элементов цивилизационного и формационного подходов способствовало изучению предмета данной работы с учетом уровня развития общественных, духовно-моральных, общекультурных отношений в пермском этнолокальном обществе. Антропологический подход был необходим при анализе менталитета, правосознания отдельных этнолокальных групп пермских народов и их влияния на раннее выявление и предупреждение преступности. Институциональный подход, элементы которого были использованы в настоящем исследовании, позволил выявить взаимную связь между обычно-правовыми источниками права, формами позитивного права и государственно установленными институтами. Исторический подход предоставил возможность раскрыть некоторые элементы обычного права пермских народов как часть правовой системы российского государства. Методологическую основу исследования составил целостный комплекс методов познания, применяемых не только в современной юридической науке, но и в других гуманитарных науках. Это историко-правовой, системный, структурно-функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод логического анализа и др. Особое внимание уделено анализу текстов правовых, мифологических, исторических источников, а также реконструкции элементов обычно-правового опыта в сфере предупреждения преступности в обычном праве у пермских народов. Предприняты попытки выявить особенности правового воспитания, причины действительности норм обычного права. Представлен сравнительно-правовой анализ исследованных источников права, таких как ретроспективные нормативные правовые акты, а также историко-правовых, этнографических, фольклорных данных. С использованием разработок этнолингвистов, этнологов, исследований в области педагогики, теории и истории права в статье произведена реконструкция генезиса и репликации особенностей обычно-правового опыта в сфере предупреждения преступности в обычном праве пермских народов.

CUSTOMARY LAW EXPERIENCE OF CRIME PREVENTION IN THE CUSTOMARY LAW OF THE PERMIAN PEOPLES

Olga A. Plochkaya*Komi Republican Academy of Public Service and Management, Syktuykar, the Russian Federation***Article info**

Received

2016 March 16

Accepted

2019 April 8

Available online

2019 April 26

Abstract. The goal of this research was to study the customary law experience of the Permian peoples in the sphere of crime prevention. To achieve this goal, the author studied the specific features of the model of crime prevention in the ethnic community and the methods of legal education used by the Permian peoples and aimed at crime prevention. The object of research is the customary law norms and institutes, as well as traditional beliefs common for the Permian peoples and widely used in the customary law practices of the eastern Finno-Ugrians. The study uses different research approaches. Thus, the use of some elements of the civilization and formation approaches contributed to the analysis of the object of this work from

Keywords

Customary law; Komi; the Udmurts; the Zyryans; the Permians; the Votyaks; crime; legal education; legal culture; ethno-law; mythological views; legal custom

Acknowledgements

Project of the Russian Humanitarian Scientific Foundation and the Republic of Komi № 14-13-11001 «The Ethno-Legal World of the Komis (the Zyrians)»

the standpoint of the development of public, spiritual and moral, general cultural relations in the Permian ethno-local society. The anthropological approach was necessary for the analysis of the mentality and legal consciousness of some ethno-local groups of the Permian peoples and their influence on the early detection and prevention of crimes. The institutional approach, the elements of which were used in the current study, made it possible to show the mutual correlation between the customary law sources of law, the forms of positive law and state institutions. The historical approach gave the author an opportunity to describe certain elements of customary law of the Permian peoples as part of the legal system of the Russian state. The methodological basis of this study is the integral complex of the cognition methods used not only in the contemporary legal science, but also in other humanities. These are the historic-legal, systemic, structural-functional, formal legal, comparative legal methods, the method of logical analysis, etc. Special attention is paid to the text analysis of legal, mythological, historical sources, as well as the reconstruction of the elements of common law experience in the sphere of crime prevention in the customary law of the Permian peoples. The author attempts to identify the specific feature of legal education, and the causes of the effectiveness of customary law norms. She presents a comparative legal analysis of the sources of law, such as the retrospective normative legal acts, as well as the historical-legal, ethnographic, folklore data. The research of ethno-linguists, ethnologists, studies in pedagogics, the theory and history of law are used to reconstruct the genesis and replication of the specific features of the customary law experience in the sphere of crime prevention in the customary law of the Permian peoples.

Для современной российской правовой системы обычно-правовой опыт коми и удмуртов в сфере предупреждения преступности может оказаться весьма интересным. Учитывая полезность его изучения, можно попытаться предложить наиболее эффективные пути реагирования на общественно опасные деяния. Сегодня этой проблемой занимаются многие ученые, выявляя целую систему раннего предупреждения преступлений [1–3]. Однако обычно-правовой опыт различных народов ими не представлен.

Предупреждение преступности представляет собой сложную систему мер регулирования социальных отношений, применяемых как на государственном, так и на общинном уровне. Все они направлены на выявление преступных деяний, а также на устранение не только причин, но и условий преступности.

В настоящей работе рассмотрим обычно-правовой опыт пермских народов (коми-зырян, коми-пермяков, удмуртов) по предупреждению преступности как важнейший элемент борьбы с ней, который достаточно ярко проявлялся в «миру», т.е. в общине.

У пермских народов, к сожалению, пока не найдено систематизированных письменных источников обычного права, содержащих информацию о распространенных образцах поведения. Одной из причин этого является отсутствие у коми и удмуртов письменности на ранних этапах этногенеза либо ее утрата в процессе исторического развития. Поэтому народные представле-

ния о противоправности и антиобщественности деяний, как правило, формировались и закрепились в обычном праве. Причем выделить в этноправе уголовно-правовые нормы, отграничив их от иных социальных норм, непросто, так как обычно-правовая норма, подверженная процессу синкретизма, не только несла в себе материальную часть, но и содержала моральную, нравственную, религиозную, а порой и языческую характеристики. Причина такого явления состояла в том, что обычное право у коми и удмуртов подвергалось конвергенционному процессу, сливаясь с религиозно-моральными установками, мифологическими воззрениями, существовавшими в этнолокальной среде.

Несмотря на относительно раннее включение пермских народов (XIV–XVI вв.) в состав российского государства, позитивное право практически до начала XX в. не регулировало полностью все общественные отношения, возникавшие у зырян, пермяков, вотяков, а потому не могло заменить обычно-правовые нормы и распространенную у пермских народов обычно-правовую практику общины ввиду экономической замкнутости хозяйств при наличии региональных особенностей, связанных с суровым климатом (к примеру, у зырян), которые нередко способствовали созданию условий для распространения обычного права, регулировавшего, помимо брачно-семейных, договорных, наследственных, промысловых, и уголовно-правовых отношений.

Правовой обычай до начала XX в. занимал значительное место в обычно-правовой системе не только пермских народов. Это было характерно и для зарубежных государств, так как ему «придавалось решающее значение» [4, р. 32]. В современной испанской Каталонии «обычное право почти полностью заменяет собой национальное гражданское право» [5, р. 122], а в Великобритании это основа, «на которой было создано... английское общее право» [6, р. 132]. При этом во Франции и Германии правовой обычай сегодня «почти исчезающий источник... права» [7, р. 47], в странах романо-германской правовой системы «общее признание обычая... играет довольно скромную роль» [8, р. 24].

У пермских народов община чаще всего стремилась упредить, предотвратить и не допустить даже возможности совершения противоправного деяния, а соответственно, и наступления общественно вредных последствий.

К примеру, сельский сход был вправе контролировать беззаботного хозяина, по вине которого в возглавляемом им хозяйстве мог наступить упадок: «Если дворохозяство приходило в расстройство и община считала виновным в этом хозяина, решением схода он мог быть заменен другим. Иногда сход устанавливал опеку над хозяйством и брал главу семьи «на поруки» и всю его деятельность строго контролировал» [9, с. 9]. Опека могла быть установлена и в отношении вдовы, если она оставалась одна с несовершеннолетними детьми. В таком случае сход позволял ей продать часть нажитого имущества для содержания детей: «А когда при вдове остаются малолетние дети, то до совершеннолетия их учреждается опека; но вдова все-таки может продать что-либо из имущества по своему усмотрению для пропитания сирот...»¹ Кроме того, «после смерти мужа над хозяйством вдовы община устанавливала опеку, вторичное замужество она должна была согласовывать с общиной» [10, с. 189].

Община стремилась не допустить возникновения объекта предупреждения преступности, и поэтому различные негативные общественные явления, которые могли бы стать причиной ухудшения криминогенной обстановки, разрешались своевременно как коллегиально на сходах, так и самостоятельно отдельными семьями.

¹ Сведения о существующих в 10 участках, в волостях <...> Юсовской местных обычаях между крестьянами от 15 ноября 1892 года // ЦГА УР. Ф. 96, оп. 1, д. 3, л. 23 об.

Например, процесс передачи в собственность государства всех земель во время проведения генерального межевания (инструкции о межевании от 13 мая 1754 г. и от 25 мая 1766 г.)² запретил крестьянам свободно распоряжаться землей. В связи с этим проблему, связанную с недостатком земель сельскохозяйственного назначения, крестьяне разрешали путем самовольной расчистки лесных участков: «...а по причине следующие Пажгинской и Гарьинской волостей от крестьян неполезных опытов, что они в отводных к заводу межах самовольно годные на всякую заводскую постройку и рубку дров леса обрубая, расчищают и жгут новины и сенокосы делают...» [11, с. 64]. Широкое распространение получили «самовольные порубки и расчистки леса в Усть-Сысольском и Яренском уездах» в первой половине XIX в. [12, с. 75]. Самовольные захваты земельных угодий как вынужденная мера сохранялись вплоть до начала XX столетия³.

Община стремилась не допустить различные негативные общественные явления также путем применения обычно-правового института — помочи (удмурт. «веме» [13], коми «отсӧг» [14, с. 289]). Это обычай общинной взаимопомощи, в котором проявлялась родовая солидарность. Его основой являлся совместный безвозмездный труд крестьян: «Обедневшим община помогает погасить податную недоимку без распродажи имущества должника» [15, с. 24]. В обычае взаимопомощи Н.В. Анисимов видит «различные коммуникативные ситуации, направленные на гармоничные взаимоотношения...» [16, с. 15].

Ссылаясь на работы Дж. Скотта, Г.А. Никитина называет данный институт «моральной экономикой», корни которой кроются «в страхе нехватки продовольствия, во избежание чего земледельцы выработали комплекс технических приемов, предписанных опытом веков и направленных на производство в каждый данный условиях как можно более стабильных урожаев» [17, с. 75].

² Инструкция о межевании от 13 мая 1754 г. // ПСЗ Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. 14 (1754–1757), № 10.237. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php; Инструкция межевым губернским канцеляриям и провинциальным конторам от 25 мая 1766 г. // Там же. Т. 17 (1765–1766) I, № 12.659. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

³ Колонист. По вопросу о поземельном устройстве в Усть-Сысольском, Сольвычегодском и Яренском уездах Вологодской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1915. № 5. С. 142.

Названный обычай объединял домохозяев в целостный механизм, а это, в свою очередь, гарантировало полноценное функционирование как отдельных хозяйств, так и в целом всей общины.

Даже источники XVII в. свидетельствуют о его применении: «Се аз Каринской волости Чепецкие отяцкие целовальники... да мирские люди... отяки... написали мы меж собою сию полюбовную одинашную запись со всего мирского большего совету... в том, что нам всем чепецким отякам... во всем друг другу не подать... и от них Каринских татар во всем оборонять» [18, с. 95–97].

Важная особенность описана в одинашной записи, когда крестьяне обязывались помогать друг другу: «И стоять друг за друга оприч ябедников и ушников и наговорщиков, которые ябедники, ушники и наговорщики впредь обявятца» [там же, с. 133].

Об институте взаимопомощи чаще упоминается в документах XVIII в., когда у крестьян существовала не только круговая порука, но и помощь при выполнении определенных работ: «А порукою в деньгах во взяты мы Логин с товарищи друг по друге и в проводничестве подвод голова в голову. В том мы извошки Логин с товарищи целовальнику сию в приемную опись дали» [11, с. 13], или оплата общиной обязательств обедневшего общинника: «Токмо мне именованному... платить нечем, а надлежит платить или соцкому и кр-м всем обще» [там же, с. 54].

На протяжении XIX в. институт взаимопомощи применялся достаточно широко. «У кого денег не хватало — друг друга ссужали (ими), обратно честно рвались отдать (с рвением отдавали); обмана, проволочки не соблюдали (не делали), из лести не дружили» [19, с. 98]. Помочи оказывали «при корчевании и рубке леса; строительстве домов; бесплатным помочам в праздники за вино и платным — по будням... артели для исполнения работы у какого-нибудь более зажиточного крестьянина «за вино»... на пожнях... у пеньев, особенно старых, подрубают коренья, вытаскивают их при помощи стягов-колов... ямы заваливают землей, скапывая кочки; на сенокосе и жатве; при вывозке леса на постройку дома» [20, с. 5–7]. По мнению Н. Добротворского, «здесь существует община нравственная, крепкая солидарность. Пермьяк не выдаст ни за что своего брата: «пермьяк за пермьяка — что бык за быка»... Друг без друга они ложки ко рту не поднесут, везде — соседи, мир, артель. Почти все работы справляются помочами» [21, с. 259].

Кроме того, для общины было важно контролировать и своевременно выявлять семьи, ведущие антиобщественную жизнь, систематически совершающие преступные действия. Этим занимался сельский сход, который мог решать вопросы «вплоть до высылки членов общины в Сибирь и даже вынесения смертного приговора» [22, с. 16]. Так, «Игринское сельское общество в 1877 г. на сельском сходе общинниками приняло решение удалить односельчанина К. Корепанова с тремя его сыновьями в Сибирь из-за того, что они семейную свою жизнь ведут нехорошую, собственно, потому, что все занимаются кражами, за что неоднократно были уже наказаны розгами, были заключены в тюремное помещение» [9, с. 10]. Из данного текста видно, что община к семье, ведущей преступный образ жизни, неоднократно пыталась применить различные виды наказания: и физическое, и даже заключение в пенитенциарное учреждение. Однако виновные не изменяли свой образ жизни, поэтому, руководствуясь обычно-правовыми нормами, община избавлялась, на наш взгляд достаточно гуманным способом, от преступников, высылая их в Сибирь. Таким образом, она выявляла и наказывала конкретных лиц, которые уже неоднократно совершали преступления.

Подобные примеры существуют и в фольклоре. Так, обращает на себя внимание жестокость наказания за посягательство на право частной собственности, применявшегося в обычном праве у пермских народов. Анализ быличек изобилует фактами, связанными с нарушением права собственности. В частности, речь идет о краже скота, который считался ценным имуществом. Например, герои мифологии коми Юрка и Гулень воровали домашних животных у своих соплеменников. Наказание для воров-рецидивистов в форме смертной казни за подобные деяния обсуждалось, выносилось и осуществлялось коллективно. В этом процессе принимали участие даже родственники преступников. Виновное лицо доводило до состояния алкогольного опьянения, а после топили, либо связывали его, чтобы обездвигнуть, и бросали в реку. «Грех» за совершенное наказание коллектив делил между его членами путем совместного ритуального поедания каши, сваренной после осуществления наказания. Подобные факты свидетельствуют о наличии у пермских народов коллективной ответственности.

В конце XIX в. было отмечено, что у коми появились жестокие формы наказания воров, нарушавших права собственности. За систематическое хищение чужого промыслового имущества или добычи община стала применять сарё пуктём (с языка коми — «на царство посажение») [23]. Данное наказание состояло в том, что волосы преступника помещали в расщепе дерева, практически привязав его к нему. Также вора-рецидивиста могли сжечь живьем в его лесной избе и т.д. Применялась еще одна форма наказания — «распятие». Она заключалась в том, что руки виновного привязывали к палке, пропущенной сквозь рукава его верхней одежды, после чего отпускали его домой через густой лес⁴. Дойти по лесу до своего поселения в подобном виде было сложно.

Реконструируя данные из фольклорных, литературных и архивных документов, можно утверждать, что в постхристианскую эпоху, начавшуюся с XIV в., после распространения православия на территории Коми зыряне уделяли значительное внимание предотвращению преступности.

«Мир» был заинтересован в раннем выявлении первичных преступлений и предупреждении их рецидива. Российский законодатель еще в XVI в. создал все условия для того, чтобы община самостоятельно осуществляла поимку преступников и суд над ними: «И вы б, меж себя свестяся все за один... лихих людей, татей и розбойников, сами обыскивали... да обыскав их и доведчи на них и пытали накрепко, и допытався у них, что они крадут и розбивают, да тех бы есте татей и розбойников бив кнутъем и казнили смертию... А которые тати или разбойники скажут своих товарищев татей или разбойников в иных городех, и в станех, и в волостех... чтоб тех татей и разбойников в тех городех... меж себя потому ж имали да, обыскав их и доведчи, казнили...» [18, с. 52].

Огромное внимание у пермских народов уделялось обычно-правовому просвещению, воспитанию молодежи, которые основывались в том числе и на обычно-правовых нормах. Такая деятельность давала свои плоды. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в зырянском наречии в позапрошлом веке не использовался термин «преступник», а также не было понятия, обозначающего субъекта, совершившего противоправное деяние. Н.Е. Ермилов отмечает:

⁴ Соционормативная мифология коми. URL: <https://www.studsell.com/view/167322/10000>.

«...отсутствіе в ихъ языке кореннаго собственнаго слова, означающаго понятіе «воровство». По ижемскому наречію воръ обозначается словомъ «гусьясьись», которое производится от русскаго же слова «гусь» (подобно выраженію «вотъ такъ гусь!»)» [24, с. 62]. «Преступлений и пороковъ, въ особенности резко выдающихся, здесь встречается мало», — указывает И. Попов [25, с. 4]. Рассказывая о заселении Запечорья ижемскими зырянами начиная со времен Ивана IV, М.Ф. Истомин отмечает незначительное количество не только замков, но и воров: «Тогда немного было замков; воры редкие находились (воры были редки): все своим трудом пропитывались...» [19, с. 98].

Исследователи XIX в. писали: «Скажем к чести зырян и утешению нравственности, что бывали времена, когда нарушителей законов вовсе не было и места заключения оставались пустыми» [26, с. 72]. У коми в договорных отношениях часто использовался обычай устного заключения договора, причем стороны давали «честное слово». К примеру, считалось, что «доказательствомъ честности зырянъ служить отсутствіе замковъ и въ настоящее время: все помещенія, даже амбары съ имуществомъ и хлебомъ, запираются простымъ деревяннымъ засовомъ» [24, с. 62]. Принципы справедливости и открытости применялись при дележе промысловой добычи, не допускался обман или ее утайка, а соответственно, не было оснований для совершения антиобщественных наказуемых деяний: «При дележе нет даже и намеку о том, что такому-то посчастливилось меньше прочих. Обмана и утайки при этом никогда не бывает: охотники убеждены, что если кто скроет хотя малейшую часть лова, то навсегда лишится искусства стрелять» [27, с. 77]. Добросовестно оплачивались все подати и сборы: «Всегда при первой же окличке волостнаго старшины или сельского старосты о взносе податей зыряне немедленно являются в назначенный пунктъ и сразу уплачиваютъ все деньги» [25, с. 4].

Такие черты, как честность, добросовестность, законопослушность, вырабатывались у пермских народов с детства.

Обычно-правовое воспитание у зырян, пермяков, вотяков не ограничивалось лишь обычно-правовым просвещением. В ходе воспитательного процесса формировалось позитивное отношение личности к многовековым, проверенным и оправдавшим себя обычно-правовым нормам. Кроме того, этноправо способствовало

созданию крепкой основы для дальнейшего повышения правовой культуры этнолокального общества, так как из поколения в поколение передавались базовые этноправовые знания, а также уважительное отношение к обычаям предков и сознательное их соблюдение.

Значительное внимание пермские народы уделяли именно обычно-правовому воспитанию молодежи. Они понимали, что без целенаправленной систематической деятельности по транслированию обычно-правового опыта и правовых императивов обойтись невозможно.

Конкретный индивид с детского возраста стремился действовать в соответствии с этноправовыми воззрениями и обычно-правовыми императивами, апробированными в веках. В связи с этим Г.А. Никитина отмечает, что существовали неформальные санкции, которые скрывались в «воспитательных ресурсах народной педагогики, роли общественного мнения, в целом в комплексе превентивных мер», и обозначает такие коды, применявшиеся в социокультурной сфере, как «можно», «нельзя», «нужно». Эти коды предопределяли и упорядочивали поведение членов этнолокального общества, «став неотъемлемыми элементами их психической организации и структуры в процессе интериоризации. И если жизнедеятельность общинников действительно базировалась на владении этими нормами/кодами/регуляторами, необходимость в мобилизации мирского суда как блюстителя правопорядка актуализировалась редко» [9, с. 8].

Речь идет о кодах (императивах), которые влияли на процесс правового воспитания молодежи наравне с религиозными, морально-нравственными нормами. Они также определяли этический облик личности.

Подобные императивы базировались на принципах всепрощения, уважительного отношения к старшим, почитания предков, в первую очередь родителей, порицания противоправных действий, в том числе таких, как грабеж, убийство, изнасилование, обман и др. Поэтому «люди леса» придавали особую сакральную силу отдельным видам лесных деревьев, лесным духам, так как любые антиобщественные, аморальные деяния, с точки зрения этнического правосознания исследуемых народов, могли повлечь месть сверхъестественных сил в лице духов леса, реки, которые считались настоящими хозяевами. Их мести опасались больше, чем санкции, установленной в любом источнике позитивного права.

В действующем российском законодательстве на протяжении веков наказание «со стороны высших сил» вообще не предусматривалось⁵.

Необходимо отметить, что у пермских народов законопослушание являлось одной из характерных черт их правовой культуры. Они старались исполнять нормы не только обычного, но и позитивного права. Поэтому считалось, что «народные представления о возрастных нормах совершеннолетия и вступления в брак были достаточно устойчивы. Считалось, что девичья зрелость достигалась в 15–16 лет, к 16–18 годам в основном заканчивалось физическое развитие и наступал пик совершеннолетия» [28, с. 18]. Г.И. Обухова определяет тягоспособный возраст, после достижения которого члены большой неразделенной семьи приобретали право на создание собственной семьи, — с 15–17 лет [29, с. 20, 32]. А.И. Михайлов называет 16–17-летний возраст для молодого человека, который мог жениться и «получить уже вполне сложившуюся женщину-работницу лет 25» [30, с. 9]. В обычно-правовой практике пермских народов в брак «большую часть вступают в зрелых годах, обыкновенно между 25 и 30 годами» [25, с. 4].

Представителям рассматриваемых народов для бракосочетания и создания семьи, кроме возрастного критерия, важно было соблюсти еще ряд условий, таких как отсутствие кровнородственных и духовно-родственных отношений. К примеру, «до четвертаго колена венчать нельзя» [31, с. 62], в ряде случаев считали недопустимыми браки между кровными родственниками до пятого колена [28, с. 19]. Не должно было существовать духовно-родственных связей, таких как крестничество [там же, с. 20].

Обычное право запрещало вступать в брачный союз лицам, имеющим тяжелые формы психосоматических заболеваний, что тщательно отслеживалось семьями брачующихся. Поэтому молодые люди старались жениться на девушках из «ближайшей деревни, так как брать невест из своей деревни — не в обычае» [32, с. 142]. Особенно данный факт был характерен для зажи-

⁵ Соборное уложение 1649 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/10.htm> ; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <http://history.ru/content/view/1114/87> ; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/129/1286406.pdf> ; Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ч. 4 : Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. URL: <https://www.prlib.ru/item/372594>.

точных семей, «соглашение о браке родителями могло быть получено задолго до наступления брачного возраста детей» [33, с. 157]. Важно было также получить согласие родителей или людей, осуществлявших роль опекунов, причем независимо от возраста как жениха, так и невесты.

Подобные императивные нормы содержались и в российском законодательстве. Речь идет о запретах вступать в брак: без согласия родителей или лиц, их заменяющих⁶; с безумными⁷; ранее 18 лет для мужчин, ранее 16 лет для женщин⁸; без взаимного согласия брачующихся сторон⁹; при наличии кровно-родственных связей¹⁰ и др.

⁶ О предметах, подлежащих светскому суду и Синоду, об отсылке в оные дел, о решении оных, о розыске, наказании и о штрафах за неисповедание, о власти Синода, о неукрывании раскольников, о колокольном звоне в урочное время, о наказаниях за церковные преступления и обидах, наносимых Синоду, и о держании в домах духовных особ других вер с дозволения Святейшего Синода : закон от 12 апр. 1722 г. // ПСЗ Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. 6 (1720–1722), № 3963. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php ; О запрещении вступать в брак без согласия опекунов или попечителей : закон от 4 июня 1836 г. // Там же. Т. 11 (1836), ч. 1, № 9252. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

⁷ О свидетельствовании дураков в Сенате : указ от 6 апреля 1722 г. // ПСЗ Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. 6 (1720–1722), № 3949. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php ; О постройке для безумных особенных домов и об отдаче имений, принадлежащих безумным, под надзор наследников : закон от 20 апр. 1762 г. // Там же. Т. 15 (1758 г. — 26 июня 1762 г.), № 11.509. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

⁸ О воспрещении священникам венчать браки, если жених и невеста не достигли еще первый 18, а последняя 16 лет : закон от 19 июля 1830 г. // ПСЗ Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. 5 (1830), ч. 1, № 3807. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php ; О распространении на греко-униатское исповедание Высочайшего указа о невенчании браков, если жених и невеста не достигли еще 18, а последняя 16 лет : закон от 6 окт. 1830 г. // Там же. Ч. 2, № 3981. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

⁹ О непринуждении родителям детей и господам рабов своих и рабынь к браку без самовольного их желания : закон от 5 янв. 1724 г. // ПСЗ Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. 7 (1723–1727), № 4406. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php ; О запрещении вступать в брак без согласия опекунов или попечителей без согласия опекунов или попечителей : закон от 4 июня 1836 г.

¹⁰ О степенях родства и свойства духовного (кумовства), брак воспрещающих, и об обязанности епархиальных архиереев представлять Св. Синоду о браках, венчанных в степенях воспрещенных : закон от 19 янв.

Пермские народы осознавали необходимость устранения из общинной жизни таких губительных явлений, как нищета, сиротство и беспризорность, хозяйственно-бытовая неустроенность, пагубно влияющих на общество в целом и способствующих возникновению криминогенных факторов.

Крестьянский мир старался не допустить обнищания членов общины «путем благотворительности и очередного кормления неимущих, вотяки уничтожают у себя нищенство» [34, с. 29]. Если возникал отказ в оказании помощи нуждающимся, то такого человека порицали и могли даже исключить из общины.

В сохранившихся договорах, которые заключались в начале прошлого века между крестьянами и их работодателями, упоминается институт круговой поруки: «...Отвечая друг за друга круговой порукой, в чем и подписуемся» [35, с. 143–144]; «...подвергаем себя законной ответственности, ручаясь друг за друга...» [там же, с. 139–140]. Данный институт также способствовал ликвидации нищенства, бездомности и иных негативных факторов, понижая риск появления криминогенной обстановки.

Чтобы не допустить хозяйственной неустроенности, отделяющейся семье помогали построить дом, осуществляли раздел земли, выделяли путик — родовое охотничье угодье и т.д.

Под предупреждением преступности в обычно-правовой практике пермских народов понималась также система мер, направленных на недопущение подготовки и совершения преступления. Среди них можно назвать табу. Примером здесь могут послужить особенности поведения охотника во время промысла, так как его действия регламентировались не только обычно-правовыми промысловыми нормами, но и религиозными и магическими, которые обязательно необходимо было исполнять. Синкретизм этих норм проявлялся в табу как в строгом сакральном запрете на совершение определенных действий. Табу укоренялись на почве глубокой веры пермских народов в то, что данное действие относится к категории сакральных либо накладывает проклятие на нарушителя. Поэтому

1810 г. // ПСЗ Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. 31 (1810–1811), № 24.091. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php ; Об издании книги от Духовной Комиссии о степенях родства, в коих брак воспрещается, и о днях, в которых венчание браков церковными правилами не дозволено : закон от 6 июня 1765 г. // ПСЗ Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. 17 (1765–1766), № 12.408. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

в народных воззрениях отпечатались принцип неотвратимости наказания: если нарушитель избежал наказания со стороны людей, то избежать наказания со стороны сверхъестественной силы ему не удастся. Табу вырабатывали в этнолокальном обществе определенное почтение к сакрализованным предметам и даже страх, что непременно способствовало уважительному отношению к общественным ценностям. Подобных фактов в историческом прошлом у пермских народов отмечено множество, к примеру: в промысловом праве запрещалось рубить лишнее дерево, неуважительно относиться к пойманной промысловой добыче, использовать названия некоторых животных [36, с. 138] и т.д.

У зырян бытовал запрет для охотников на интимные отношения перед охотой, так как считалось, что из-за этого они теряли охотничьи навыки. А во время охоты запрещалось вслух произносить даже слово «женщина», при необходимости его заменяли эвфемизмом «тшотшыд» («обрубленная») ¹¹.

Предметом табуирования являлись земля, лесные, водные природные ресурсы, которые в обычно-правовом понимании пермских народов были «праматерью», а соответственно, от бережного отношения к ним зависело и благополучие народа.

Важно отдельно отметить, что бытовала целостная система запретных действий для женщин. «Сноха своему свекру не должна показывать ни босых ног, ни волос...» [37, с. 35]. П.С. Паллас отмечает существование у вотяков ряда табу в поведенческой модели женщины по отношению к старшим родственникам — мужчинам и посторонним людям, которые зашли в гости: замужней женщине предписывалось общаться с ними в закрытой одежде и с покрытой головой [38, с. 32].

У пермских народов в правосознание индивида сознательно закладывались обычно-правовые нормы, моральные этнические идеалы, нравственно-культурные ценности, санкционированные этнолокальным обществом, что являлось жизненными целями и идеалами. Данные народы целенаправленно приобщали молодежь к обычно-правовым ценностям, образовавшим нравственный, высокодуховный мир. Накопившиеся обычно-правовые ценности служили основанием для регулирования поведенческой модели индивида. Компактность проживания этнолокальных обществ способствовала тому, что

¹¹ Соционормативная мифология коми.

любой противоправный поступок достаточно быстро становился известен всем общинникам, морально порицавшим поведение соплеменника. Такое порицание являлось действенным наказанием. В обычном праве морально-нравственные отношения служили фундаментом для функционирования традиционного общества, надолго цементируя систему правовых ценностей.

В связи с существовавшей системой мероприятий по предупреждению преступности уголовно-правовые институты в обычном праве пермских народов не были детально разработаны, в отличие от норм позитивного права, которое в процессе исторического развития более тщательно регламентировало и прорабатывало не только понятие преступления и его состав, но и систему и виды преступлений и наказаний с тенденцией к увеличению видов преступлений и наказаний, выделению форм вины, соучастия, стадий преступления и т.д. ¹²

В ряде случаев даже в начале XX в. за нарушение границ определенной хозяйственной оленеводческой территории наказывалось не только виновное лицо, которое несло персональную ответственность: «Помимо строжайшей личной уголовной ответственности за потраву ягельных урочищ взимается штраф с обществ или волостей, к которым приписаны потравщики...» [39, с. 55], и это несмотря на то, что Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. закреплялась не коллективная, а личная ответственность в уголовных делах ¹³.

Таким образом, особенности конструирования модели предупреждения преступности у пермских народов заключались в том, что, проживая на определенной территории, они сумели сохранить действенность норм обычного права, которые подкреплялись санкциями не только правового характера, но и, в отличие от норм позитивного права, морально-нравственного, религиозно-магического характера. Боясь мести духов, чья складывавшиеся веками обычно-правовые нормы, уважая мнение вожака артели, главы семьи, старейшины, население воспитывало в себе высокоморальный дух.

¹² Судебник 1497 г. URL: <http://his95.narod.ru/1497.htm>; Судебник 1550 г. URL: http://www.krotov.info/acts/16/2/pravo_02.htm; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <http://history.ru/content/view/1114/87>.

¹³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/129/1286406.pdf>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bowers K.J. Measuring the Geographical Displacement and Diffusion of Benefit Effects of Crime Prevention Activity / K.J. Bowers, Sh.D. Johnson // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2003. — Vol. 19, iss. 3. — P. 275–301.
2. Baerveldt C. Schools and the Prevention of Petty Crime: Search for a Missing Link / C. Baerveldt // *Journal of Quantitative Criminology*. — 1992. — Vol. 8, iss. 1. — P. 79–94.
3. Gorr W.L. Early Warning System for Temporary Crime Hot Spots / W.L. Gorr, Y.J. Lee // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2015. — Vol. 31, iss. 1. — P. 25–47.
4. Mehren A. The Civil Law System / A. Mehrem, J. Gordley. — New York : Brown and Co., 1977. — 555 p.
5. Eddey K. The English Legal System / K. Eddey. — London : Sweet & Maxwell, 1982. — 191 p.
6. Glendon M. Comparative Legal Traditions / M. Glendon, M. Gordon, Ch. Osakwe. — New York : West Group, 1982. — 402 p.
7. Foster N. German Legal System and Laws / N. Foster. — London : Blackstone Press, 1996. — 419 p.
8. Donnell Y. Law for European Business Studies / Y. Donnell. — London : Pitman, 1994. — 436 p.
9. Никитина Г.А. Нормативные ценности удмуртского крестьянства в контексте мирской юрисдикции / Г.А. Никитина // *История государства и права*. — 2011. — № 8. — С. 7–10.
10. Удмурты: историко-этнографические очерки / под ред. В.В. Пименова ; Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. — Ижевск, 1993. — 392 с.
11. Коми край в XVIII веке : сб. док. / под ред. А.К. Гагиевой. — Сыктывкар, 2012. — 116 с.
12. Камышников С.М. Вопросы землевладения и землепользования в правосознании государственных крестьян Коми края в конце XVIII — первой половине XIX века / С.М. Камышников // *Коми-крестьянство в эпоху феодализма и капитализма*. — Сыктывкар, 1983. — Вып. 29. — С. 72–88.
13. Трифионов А. «Веме» — безвозмездная помощь друг другу [Электронный ресурс] / А. Трифионов // *Филантроп*. — 2014. — Режим доступа: <http://philanthropy.ru/blogs/2014/05/14/15439>.
14. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов Коми: XIX — начало XX вв. / В.Н. Белицер. — М., 1958. — 393 с.
15. Пислегин Н.В. Община в обыденной жизни крестьян Удмуртии: материалы конца XVIII — первой половины XIX века / Н.В. Пислегин // *Вестник Удмуртского университета*. — 2013. — Вып. 1. — С. 24–32.
16. Анисимов Н.В. Коммуникация с миром мертвых в обычае взаимопомощи в традиционной культуре удмуртов / Н.В. Анисимов // *Ежегодник финно-угорских исследований*. — 2014. — Вып. 2. — С. 11–17.
17. Никитина Г.А. Взаимопомощь как неотъемлемая составляющая «моральной экономики крестьянства» / Г.А. Никитина // *Ежегодник финно-угорских исследований*. — 2014. — Вып. 2. — С. 74–81.
18. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Луппов. — Ижевск, 1958. — 419 с.
19. Истомин М.Ф. Об этимологических формах ижемско-зырянского языка с присовокуплением сборника зырянских слов / М.Ф. Истомин // *Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века* / под ред. В.А. Лимеровой. — Сыктывкар, 2010. — С. 92–103.
20. Жеребцов И.Л. О некоторых аспектах трудовой взаимопомощи в Коми крае XIX — начала XX в. (к вопросу о начале изучения крестьянских традиций) / И.Л. Жеребцов, В.Э. Шаратов // *Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность* : сб. ст. — Сыктывкар, 2014. — С. 5–16.
21. Добротворский Н. Пермьяки. Бытовой этнографический очерк / Н. Добротворский // *Вестник Европы*. — 1883. — Т. 2, кн. 3. — С. 228–264.
22. Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX — начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Ю.В. Александров. — Ижевск, 1998. — 26 с.
23. Энциклопедия уральских мифологий : в 3 т. / под ред. Н. Конакова. — Сыктывкар : ДИК, 1999. — Т. 1 : Мифология Коми. — 479 с.
24. Ермилов Н.Е. Поездка на Печору. Путевые заметки / Н.Е. Ермилов. — Архангельск : Губ. тип., 1888. — 95 с.
25. Попов И. Черты из быта, нравов и обычаев зырян Яренского уезда Удорского края / И. Попов // *Вологодские губернские ведомости*. — 1875. — № 90. — С. 3–4.
26. Попов А.Е. Мнение о происхождении зырян и очерк некоторых свойств их / А.Е. Попов // *Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века* / под ред. В.А. Лимеровой. — Сыктывкар, 2010. — С. 69–73.
27. Михайлов М.И. Физические и нравственные свойства зырян / М.И. Михайлов // *Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века* / под ред. В.А. Лимеровой. — Сыктывкар, 2010. — С. 73–80.
28. Вишнякова Д.В. Брачно-семейные отношения коми крестьянства и их обычно-правовое регулирование во второй половине XIX — начале XX в. / Д.В. Вишнякова // *Социально-культурные процессы на территории Коми края: история и современность* : сб. ст. — Сыктывкар, 2014. — С. 17–24.
29. Обухова Г.И. Семейно-имущественные отношения по обычному праву у крестьянства Удмуртии в XVIII в. (по актам крепостных контор) / Г.И. Обухова // *Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.* : сб. ст. / отв. ред. В.Е. Майер. — Устинов, 1985. — С. 18–34.
30. Михайлов А.И. Вотячка / А.И. Михайлов. — М., 1927. — 40 с.
31. Богаевский П.М. Очерк быта сарапульских вотяков : сб. материалов / П.М. Богаевский. — М., 1888. — 64 с.
32. Бехтерев В.М. Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки / В.М. Бехтерев // *Вестник Европы*. — 1880. — Т. 5, кн. 9. — С. 141–172.
33. Черных А.В. Народы Пермского края. История и этнография / А.В. Черных. — Пермь : Пушкин, 2007. — 296 с.
34. Кузнецов С.К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии / С.К. Кузнецов // *Этнографическое обозрение*. — 1904. — № 4. — С. 24–49.
35. История Коми края в документах и материалах / под ред. О.Е. Бондаренко, В.И. Чупрова. — Сыктывкар, 1991. — Ч. 1 : Дореволюционный период. — 173 с.

36. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В.Е. Владыкин. — Ижевск : Удмуртия, 1994. — 383 с.
37. Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Г.Е. Верещагин. — СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1889. — 197 с.
38. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям российского государства : в 6 т. / П.С. Паллас. — СПб. : Императ. Акад. Наук, 1788. — Ч. 3, пол. 2. — 481 с.
39. Журавский А.В. Самоедское право. Материалы для законодательных предположений / А.В. Журавский. — Архангельск : Губ. тип., 1908. — 30 с.

REFERENCES

- Bowers K.J., Johnson Sh.D. Measuring the Geographical Displacement and Diffusion of Benefit Effects of Crime Prevention Activity. *Journal of Quantitative Criminology*, 2003, vol. 19, iss. 3, pp. 275–301.
- Baerveldt C. Schools and the Prevention of Petty Crime: Search for a Missing Link. *Journal of Quantitative Criminology*, 1992, vol. 8, iss. 1, pp. 79–94.
- Gorr W.L., Lee Y.J. Early Warning System for Temporary Crime Hot Spots. *Journal of Quantitative Criminology*, 2015, vol. 31, iss. 1, pp. 25–47.
- Mehren A., Gordley J. *The Civil Law System*. New York, Brown and Co., 1977. 555 p.
- Edley K. *The English Legal System*. London, Sweet & Maxwell, 1982. 191 p.
- Glendon M., Gordon M., Osakwe Ch. *Comparative Legal Traditions*. New York, West Group, 1982. 402 p.
- Foster N. *German Legal System and Laws*. London, Blackstone Press, 1996. 419 p.
- Donnell Y. *Law for European Business Studies*. London, Pitman, 1994. 436 p.
- Nikitina G.A. Normative values of the Udmurt peasants within the framework of secular jurisdiction. *Istoriya gosudarstva i prava = The History of State and Law*, 2011, no. 2, pp. 7–10. (In Russian).
- Pimenov V.V. (ed.). *Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Udmurts: Historical and Ethnographic Essays]. Izhevsk, 1993. 392 p.
- Gagieva A.K. (ed.). *Komi krai v XVIII veke* [The Komi Region in the XVIII Century]. Syktyvkar, 2012. 116 p.
- Kamyshnikov S.M. The issues of land ownership and land use in the legal consciousness of state-owned peasants of the Komi Region in late 18th — first half of the 19th century. *Komi-krest'yanstvo v epokhu feodalizma i kapitalizma* [Komi Peasantry in the Era of Feudalism and Capitalism]. Syktyvkar, 1983, iss. 29, pp. 72–88. (In Russian).
- Trifonov A. «Veme» — free assistance to each other. *Filantrop = Philanthropist*, 2014. Available at: <http://philanthropy.ru/blogs/2014/05/14/15439>. (In Russian).
- Belitser V.N. *Ocherki po etnografii narodov Komi: XIX — nachalo XX vv.* [Essays on the Ethnography of the Komi Peoples of XIX — Beginning of XX Century]. Moscow, 1958. 393 p.
- Pislegin N.V. Community in Ordinary Life of Peasants of Udmurtia. Materials of the End of XVIIIth — the First Part of the XIXth Centuries. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of Udmurt University*, 2013, iss. 1, pp. 24–32. (In Russian).
- Anisimov N.V. Communication with the World of the Dead in the Customs of Mutual Assistance in the Traditional Culture of the Udmurts. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy = Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2014, iss. 2, pp. 11–17. (In Russian).
- Nikitina G.A. Mutual Aid as an Integral Part of «Moral Economy» in the Peasant Society. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy = Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2014, iss. 2, pp. 74–81. (In Russian).
- Lupov P.N. (ed.). *Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vekov* [Documents on the History of Udmurtia in XV–XVII Centuries]. Izhevsk, 1958. 419 p.
- Istomin M.F. On the etymological forms of the Izhemsk-Zyryansk language, supplemented by a book of Zyryansk vocabulary. In Limerova V.A. (ed.). *Zyryane i zyryanskii krai v literaturnykh dokumentakh XIX veka* [Zyryans and Zyryan Region in the Literary Documents of the XIX Century]. Syktyvkar, 2010, pp. 92–103. (In Russian).
- Zherebtsov I.L., Sharapov V.E. On Some Aspects of Mutual Labor Assistance in the Komi Region of XIX — Early XX Century (on the Beginning of the Study of Peasant Traditions). *Sotsial'no-kul'turnye protsessy na territorii Komi kraya: istoriya i sovremennost'* [Socio-cultural Processes on the Territory of the Komi Region: History and Modernity]. Syktyvkar, 2014, pp. 5–16. (In Russian).
- Dobrotvorsky N. The Permians. Household Ethnographic Essay. *Vestnik Evropy = Herald of Europe*, 1883. vol. 2, b. 3, pp. 228–264. (In Russian).
- Aleksandrov Yu.V. *Obychnoe pravo udmurtov (XIX — nachalo XX vv.)*. Avtoref. Kand. Diss. [Customary Law of the Udmurts (XIX — Beginning of XX Centuries). Cand. Diss. Thesis]. Izhevsk, 1998. 26 p.
- Konakov N. (ed.). *Entsiklopediya ural'skikh mifologii* [Encyclopedia of Ural Mythologies]. Syktyvkar, 1999. Vol. 1. 479 p.
- Ermilov N.E. *Poezdka na Pechoru. Putevye zametki* [Trip to Pechora. Travel notes]. Arkhangelsk, Gubernskaya Publishing House, 1888. 95 p.
- Popov I. Features of Life, Manners and Customs of the Zyrians in Arenskogo County of Udora Region. *Vologodskie gubernskie vedomosti = Vologda Province News*, 1875, no. 90, pp. 3–4. (In Russian).
- Popov A.E. The Opinions about the Origin of Peoples and Sketches of some of their Properties. In Limerova V.A. (ed.). *Zyryane i zyryanskii krai v literaturnykh dokumentakh XIX veka* [The Zyryans and Zyryan Region in the Literary Documents of the XIX Century]. Syktyvkar, 2010, pp. 69–73. (In Russian).
- Mikhailov M.I. Physical and Moral Properties of the Zyryans. In Limerova V.A. (ed.). *Zyryane i zyryanskii krai v literaturnykh dokumentakh XIX veka* [The Zyryans and Zyryan Region in the Literary Documents of the XIX Century]. Syktyvkar, 2010, pp. 73–80. (In Russian).
- Vishnyakova D.V. Marriage and Family Relations of the Komi Peasants and their Customary Law Regulation in the Second Half of XIX — Early XX Century. *Sotsial'no-kul'turnye protsessy na territorii Komi kraya: istoriya i sovremennost'* [Socio-cultural Processes on the Territory of the Komi Region: History and Modernity]. Syktyvkar, 2014, pp. 17–24. (In Russian).

29. Obukhova G.I. The Family and Property Relations under Customary Law from the Peasantry of the Udmurt Republic in the 18th Century (Acts of the Serfs and Offices). In Maier V.E. (ed.). *Semeinyi i obshchestvennyi byt udmurtov v XVIII–XX vv.* [Family and Community Life of the Udmurts in the XVIII–XX Centuries]. Ustinov, 1985, pp. 18–34. (In Russian).
30. Mikhailov A.I. *Votyachka* [A Votyak Woman]. Moscow, 1927. 40 p.
31. Bogaevskii P.M. *Ocherk byta sarapul'skikh votyakov* [Sketch of Life of the Sarapul Votyaks]. Moscow, 1888. 64 p.
32. Bekhterev V.M. The Votyaks, their History and Current Status. Household and Ethnographic Essays. *Vestnik Evropy = Herald of Europe*, 1883. vol. 5, b. 9, pp. 141–172. (In Russian).
33. Chernykh A.V. *Narody Permskogo kraia. Istoriya i etnografiya* [Peoples of the Perm Region. History and Ethnography]. Perm, Pushka Publ., 2007. 296 p.
34. Kuznetsov S.K. Community orders of the Votyaks of Mamadyshsky District of the Kazan Province. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, 1904, no. 4, pp. 24–49. (In Russian).
35. Bondarenko O.E., Chuprov V.I. (eds.). *Istoriya Komi kraia v dokumentakh i materialakh* [History of Komi Region in Documents and Materials]. Syktyvkar, 1991. Vol. 1. 173 p.
36. Vladykin V.E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious-Mythological World View of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 383 p.
37. Vereshchagin G.E. *Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoi gubernii* [Votyaks Sarapul District of the Vyatka Province]. Saint Petersburg, I.N. Skorokhodov Publ., 1889. 197 p.
38. Pallas P.S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam rossiiskogo gosudarstva* [Travel to Different Provinces of the Russian State]. Saint Petersburg, the Emperor's Academy of Sciences Publ., 1788. Vol. 3, iss. 2. 481 p.
39. Zhuravskii A.V. *Samodskoe pravo. Materialy dlya zakonodatel'nykh predpolozhenii* [Samoyed Law. Materials for Legislative Assumptions]. Arkhangelsk, Gubernskaya Publishing House, 1908. 30 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плоцкая Ольга Андреевна — профессор кафедры истории и теории государства и права Коми республиканской академии государственной службы и управления, доктор юридических наук, доцент, г. Сыктывкар, Российская Федерация; e-mail: olga.plockaya@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Плоцкая О.А. Обычно-правовой опыт предупреждения преступности в обычном праве пермских народов / О.А. Плоцкая // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 354–364. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).354-364.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Plockaya, Olga A. — Professor, Chair of History and Theory of State and Law, Komi Republican Academy of Public Service and Management, Doctor of Law, Ass. Professor, Syktyvkar, the Russian Federation; e-mail: olga.plockaya@mail.ru.

FOR CITATION

Plockaya O.A. Customary law experience of crime prevention in the customary law of the Permian peoples. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 354–364. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).354-364. (In Russian).